

Хань Фэн заметил, что его собеседник внезапно опустил голову и замолчал, а настроение его заметно упало. Он отложил палочки и тихо спросил: Чу Сюэвэнь, тебя что-то гложет?

Чу Сюэвэнь поднял голову и встретился с ним взглядом. В глазах Хань Фэна он увидел искреннюю заботу, и это чувство близости, осознание того, что рядом есть человек, которому не всё равно, опьяняло его. Но как долго эта забота будет согревать его?

Память Хань Фэна еще не вернулась? — в душе Чу Сюэвэня боролись противоречивые чувства: потеря памяти Хань Фэном одновременно причиняла ему боль и рождала робкую надежду.

Еще нет. Почему ты спрашиваешь? — Хань Фэн не понимал, отчего тот вдруг стал таким подавленным.

Когда память вернется, ты уйдешь? — опустив голову, тихо спросил Чу Сюэвэнь.

Хань Фэн задумался: этот простак боится, что я уйду, или, наоборот, ждет этого?

Размышляя так, он решил спросить напрямую: Чу Сюэвэнь, я тебе надоел? Хочешь, чтобы я ушел поскорее?

Услышав это, Чу Сюэвэнь почувствовал еще большую обиду. Его глаза покраснели, застилаемые пеленой слез. Он смотрел на Хань Фэна, но молчал.

Хань Фэн подумал: довести человека до слез — не лучший поступок.

Он пододвинул стул поближе к Чу Сюэвэню, сел с ним плечом к плечу и, подняв руку, ласково взъерошил его волосы. С мягкостью, какой сам от себя не ожидал, он пообещал:

Я не уйду. Даже когда ты пойдешь на экзамен, я буду рядом — до тех пор, пока я не стану тебе больше не нужен. Хорошо?

А если я всю жизнь буду нуждаться в тебе и просто не смогу тебя отпустить? Тогда ты действительно сможешь остаться со мной навсегда?

Как только эти слова сорвались с его губ, время словно застыло. Оба замерли с широко раскрытыми глазами, изумленно глядя друг на друга, словно пытаясь понять по выражению лиц, не послышалось ли им это в бреду.

Сердце Чу Сюэвэня бешено колотилось. Ему хотелось провалиться сквозь землю. Боже, что за наваждение на него нашло, чтобы вымолвить такое двусмысленное, вызывающее столько мыслей признание?

Он терзался раскаянием, чувствуя, как его щеки горят, словно от огня.

А Хань Фэн, напротив, слегка приподнял уголки губ, одарив его лукавой усмешкой. Он намеренно подался вперед и шепнул ему на ухо:

А ты не боишься, что твоя будущая жена будет ревновать?

Горячее дыхание коснулось лица Чу Сюэвэня, отчего щеки книжного червя стали еще краснее. Запинаясь, он ответил: Я... мне не нужна жена!

Хань Фэн машинально закончил за него: Мне не нужна жена, мне нужен только Хань Фэн!

Он сам содрогнулся от собственного внутреннего голоса. Его озадачивало, почему ему так нравится поддразнивать этого простофилю, и в то же время это приносило странное удовольствие.

Видя, как тот краснеет, он сам чувствовал непонятное волнение, и от этого ему становилось не по себе. Неужели я дорос до возраста первой влюбленности? — подумал он. Но почему именно Чу Сюэвэнь, такой же мужчина, вызывает у меня подобные чувства?

Хань Фэн вспомнил: Чу Сюэвэнь был первым, кто подарил ему тепло, первым, кто готов был встать перед ним, чтобы защитить от опасности. Его появление было подобно долгожданному дождю в засуху, оросившему его холодное сердце. Возможно, именно искренность, доброта и храбрость Чу Сюэвэня смогли отпереть двери его закрытой души, позволив войти в его мир и оставить там глубокий след.

Заметив, что книжный червь с красным лицом всё еще с надеждой смотрит на него, бывший безжалостный убийца почувствовал, как сердце смягчается. Он легонько ущипнул его за раскрасневшуюся щеку и мягко сказал:

Я останусь с тобой. Ешь давай, а то еда остынет.

Чу Сюэвэнь получил желаемый ответ, и тучи в его душе мгновенно рассеялись, на лице засияла радость.

Му Фэн не удержался и передал через духовную связь Шуй Си: Тебе не кажется, что отношения господина и Молодого господина Чу странные? Это у меня мысли нечистые, или между ними действительно не просто дружба?

Шуй Си ответил: Это точно ты перечитал своих романов. Мне кажется, у них обычная дружба. Хи-хи, а я бы сам хотел иметь такого друга!

Му Фэн возразил: Вообще-то я почти не читал романов, особенно в последнее время — был занят поисками господина, где уж тут до чтения. Неужели мое чистое и невинное сердечко правда отравилось этими книжонками? Только не это!

Глядя на его удрученное лицо, Шуй Си еле сдерживал смех, но сохранил серьезный вид: Отдай мне все свои книги на хранение. Если будешь читать дальше — перестанешь видеть в людях нормальных. Что тогда делать?

Я ведь так долго охотился за книгами второго брата.

Правда нужно? Может, я просто буду читать поменьше? — Му Фэн выглядел расстроенным; ради тех драгоценных томов он из кожи вон лез, чтобы задобрить Мо Лю и выпросить их у него. Теперь же расставаться с ними было не вмоготу.

Второй брат хочет, чтобы господин начал его сторониться?

Нет, ни в коем случае! — Му Фэн в ужасе перебил Шуй Си, отчаянно качая головой.

Если у тебя мысли нечистые, как господину не сторониться тебя? — Шуй Си продолжил старательно помогать ему с анализом.

Услышав это, Му Фэн оказался меж двух огней и замолчал.

Ну хорошо, вернусь — отдам тебе на хранение! — спустя долгое время, когда Шуй Си уже решил, что его план провалился, прозвучал ответ.

Не волнуйся, второй брат. Стоит тебе пожить без книг месяц-другой, и твой чистый нрав вернется, — хихикнул про себя Шуй Си. — Хи-хи, к тому времени я как раз успею их дочитать.

Спасибо, брат! — Му Фэн бросил на него полный благодарности взгляд.

Шуй Си, чувствуя укол совести, отвел глаза и не решился принять эту благодарность.

Хань Фэн, тебе нельзя браться за тяжелую или опасную работу. Я могу заработать на жизнь, тебе нужно просто отдыхать дома и восстанавливать силы, — раздался во дворе голос Чу Сюэвэня, прервавший «душевную» беседу братьев.

Ха-ха, Сюэвэнь хочет взять меня на содержание? — Хань Фэна позабавил этот серьезный тон, но внутри разлилось непривычное тепло.

Никто и никогда не заботился о том, не устал ли он и грозит ли ему опасность. Даже тот

мерзкий босс из прошлой жизни до самой смерти твердил, что ценит его, но на протяжении десяти с лишним лет каждый раз давал ему самые опасные задания. Лишь потому, что он был первоклассным убийцей, его «денежной коровой».

А теперь этот слабый книжный червь боится, что он переутомится, боится за его безопасность и говорит, что будет кормить его. Как тут не растрогаться?

Хорошо, я согласен, — Хань Фэн посмотрел на Чу Сюэвэня, и в его глазах светилась улыбка.

Чу Сюэвэнь не ожидал, что тот так легко согласится, и обрадовался, словно ребенок.

Но, Сюэвэнь, тебе не нужно беспокоиться о нашем пропитании. Сегодня я носил твою картину на рынок и продал ее за пятьсот лянов серебра! Этих денег нам хватит на долгую жизнь, — легко произнес Хань Фэн, глядя на Чу Сюэвэня.

Пять... сот лянов? — услышав эту астрономическую сумму, Чу Сюэвэнь вытаращил глаза и ошарашенно посмотрел на него.

Он подумал: с каких пор мои картины стали такими дорогими? Самая дорогая из проданных ранее работ — картина Поздравление с днем рождения со стихотворением, продиктованным Хань Фэном, — едва принесла пять лянов. За остальные удавалось выручить разве что один лян, и то если повезет встретить щедрого знатока. Обычные люди покупали изображения богини Гуаньинь или Бога богатства на праздники, тратя на них от силы несколько сотен монет.

А тут кто-то выложил пятьсот лянов за одну картину! Это невероятно. Чу Сюэвэню казалось, что он спит, и он не мог поверить в такую удачу.

Скрытые в тени телохранители в этот момент переглянулись с пониманием: Вот оно что! Неудивительно, что господин велел второму брату отнести ту картину в ресторан. Вот оно как! Сделано мастерски — теперь эти деньги можно легально принести в дом Молодого господина Чу. Господин есть господин, его мудрости и стратегии нам, простым смертным, не достичь!

<http://bllate.org/book/22354/2342906>